

Эдуард Фукс

История нравов
Эпоха Ренессанса

Эдуард Фукс

История нравов. Эпоха Ренессанса

«РИПОЛ Классик»

1902–1912

УДК 17(091)
ББК 87.7

Фукс Э.

История нравов. Эпоха Ренессанса / Э. Фукс — «РИПОЛ
Классик», 1902–1912

ISBN 978-5-521-00429-4

Отношения между мужчиной и женщиной в любые времена служат камертоном развития человечества. Изучение новых канонов красоты, способов ухаживания и брачных обычаев позволяет проследить зарождение и становление общества Ренессанса, предвестника современного мира.

УДК 17(091)

ББК 87.7

ISBN 978-5-521-00429-4

© Фукс Э., 1902–1912
© РИПОЛ Классик, 1902–1912

Содержание

Предисловие	6
Вступление	9
1. Происхождение и сущность нравственности	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдуард Фукс
История нравов. Эпоха Ренессанса

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2017

Предисловие

Нравственное поведение, нравственные воззрения и постановления, нормирующие и санкционирующие половую жизнь каждой эпохи, являются самыми характерными и яркими выразителями духа этой эпохи. Сущность каждого исторического периода, каждого народа и каждого класса отражается в них нагляднее всего. В своих тысячах излучений половая жизнь вскрывает нам не только важный закон, но и вообще основной закон жизни. В нравственном поведении и в нравственных установлениях и воззрениях облекается в осязательную форму основная функция жизни. Нет ни одной формы и ни одного жизненного проявления, которые не получали бы направления или по меньшей мере известной окраски от полового базиса жизни. Вся общественная и частная жизнь людей и народов насыщена и напоена половыми тенденциями и интересами. Они – вечная и неисчерпаемая проблема и программа, которые никогда не снимаются с очереди в существовании индивидуума и общества.

Однако каждая эпоха – и это самое важное – облекает эти переживания в иные формы и постоянно пересматривает и направляет свои установления. В тысяче разнообразных оттенков протекала половая жизнь людей, понимаемая то как еле осознанная стихийная сила, как чисто животное чувство, то, напротив, провозглашаемая как дивная тайна бытия и высшая точка творческого проявления, то низводимая до уровня нескончаемой скабрёзной выходки, причем каждое слово и каждый жест были отданы на служение чувственной оргии.

Вот почему история половой нравственности на различных ступенях культурного развития вместе с тем одна из главных составных частей истории человечества. Выражаясь более точно, это значит: история половой нравственности охватывает наиболее важные стороны общественного бытия людей, следовательно, историю законной и незаконной любви (брак, супружескую верность, целомудрие, прелюбодеяние, проституцию), историю чрезвычайно разнообразных форм взаимного ухаживания в целях и в интересах осуществления половой потребности, обычаев и нравов, в виде которых они кристаллизовались, представлений о красоте, радости, наслаждении и способов выражения чувства (язык, философию, право и т. д.), а также, конечно, идеологическое освящение половой жизни посредством искусства, к которому то и дело приводила эта половая жизнь.

Так как история половой нравственности представляет самую важную часть истории человечества, то и богатство свидетельствующих о ней документов в каждой стране неисчерпаемо. К тому же в них мы имеем самое величавое и блестящее, самое утонченное и безобразное, самое нелепое и тривиальное, что когда-либо измыслил и создал дух человека. В них одинаково обнаруживаются его самые смелые мысли, его самые вдохновенные настроения и – самые печальные заблуждения.

Несмотря на такое фундаментальное значение истории нравов, специально трактующей о половой нравственности, для человека, стремящегося к историческому познанию прошлого, несмотря на богатство источников, находящихся к услугам исследователя, история половой нравственности, однако, область, которой пока еще пренебрегают современные историки. В немецкой научной литературе значительные труды существуют разве только о нравах Древнего Рима. Нет ни одной истории нравов, которая рассматривала и обосновала бы разнообразные видоизменения, происшедшие в воззрениях и нормах половой нравственности, начиная с исходящего Средневековья. У нас имеются только собрания материалов и несколько небольших сжатых монографий, посвященных отдельным специальным вопросам, странам и эпохам. Вот и все.

Но и это немного не имеет никакого значения, так как среди этих работ нет ни одной, которая покоилась бы на современных научных предпосылках.

Моя работа должна до известной степени заполнить этот пробел. Хотя она рассчитана на три тома, я прекрасно знаю, что она представит лишь незначительную частицу. Заполнить этот пробел настоящим образом могло бы только гигантское предприятие, к услугам которого находилась бы армия специалистов, гигантское предприятие, которое создало бы целую библиотеку. К сожалению, таких специалистов еще не существует. А те немногие, которые имеются, совершенно не понимают внутреннюю связь исторических явлений.

В такой истории половой нравственности сосредоточено, как сказано, и самое высокое, и самое низкое. В силу необходимости она, однако, будет, если угодно, скорее историей безнравственности.

Это так понятно, потому что то, что считается в каждую эпоху «нравственным», заключается преимущественно в том, чего не делают, т. е. в том, что не поддается изображению, тогда как безнравственность обнаруживается в известных поступках, т. е. в том, что можно изобразить.

Или выражаясь парадоксально: в истории половой нравственности отрицательное часто является единственно положительным. История нравов, стремящаяся изобразить и исчерпывающим образом обосновать все проблемы половой нравственности, не смущаясь мелочными и трусливыми соображениями, конечно, не чтение для школьников и школьниц, но ведь такие качества и не свойственны серьезным научным исследованиям.

Те документы из находящегося в моем распоряжении богатого материала, которые не годятся для широкой публики или слишком перегрузили бы изложение, представляя вместе с тем научную ценность, я потом издам в отдельном томе, который доставит ученым и собирателям необходимые дополнения.

В заключение я должен заметить еще следующее.

Имя мое в литературе тесно связано с историей карикатуры. Многие из моих читателей вообразят, быть может, что я со своим новым трудом перехожу в новую для меня область. Такое мнение было бы неправильным. Я считаю свои работы по истории карикатуры далеко не законченными, но и теперь я отнюдь не уклоняюсь от своего пути. Вся моя научная деятельность была неизменно направлена на историю культуры. Своими трудами я хотел осветить историческое развитие общества. На этом пути мне встретилась карикатура. Когда для меня стало ясно, что она позволит мне понять и уяснить себе события и лица с такой отчетливостью, как никакой иной документ, во мне проснулось желание изъять карикатуры из безмолвных папок, где они в продолжение столетий покоились не оцененные и потому игнорируемые. По мере того как богаче становились результаты накопившегося материала и по мере того как во мне крепло убеждение, что карикатура – важное подсобное средство исторической реконструкции, родилась во мне честолюбивая мысль написать историю этих своеобразных документов духа времени.

Относясь к карикатуре как историк культуры, усматривая в ней самый правдивый источник ознакомления с нравами, событиями и личностями прошлого и настоящего, я всегда сознательно касался художественной стороны вопроса лишь на втором плане. Не потому, чтобы я игнорировал важность этой стороны дела. Напротив, я ни на минуту не терял ее из вида. Именно потому, что я прекрасно понимаю важное значение этого вопроса, я всегда считал его специальной задачей эстетов. Я же не специалист по эстетике.

Издавая ныне свою «Историю нравов», я отнюдь, повторяю, не уклоняюсь. Я не изменяю своей главной страсти, карикатуре, как не изменял я и моим культурно-историческим интересам, когда задался целью написать историю карикатуры.

Мои труды по истории карикатуры и моя «История нравов» лежат в той же самой плоскости, вращаются в том же круге идей.

*Эдуард Фукс
Берлин – Целендорф, весна 1909 года*

Вступление

Главная задача истории нравов – показать, как люди когда-то жили, реконструировать прошлое путем планомерного сочетания характерных для каждой эпохи фактов. Чем обязательнее и пластичнее предстанет это прошлое перед читателем, тем лучше решена задача. Это одинаково приложимо как к работе, охватывающей всю область нравов, так и к работе, затрагивающей, подобно нашей, только часть ее – область половой морали.

Реконструировать прошлое – такова цель нашего исследования.

Усматривая в этом свою главную задачу, историк нравов никогда не должен, однако, прилагать к этому прошлому определенный нравственный критерий. Первый вывод, к которому исследователь приходит в своей работе, заключается в том, что нет в истории вечных, абсолютных масштабов, что эти последние, напротив, находятся в процессе постоянного видоизменения. Можно поэтому всегда говорить только об относительной нравственности или безнравственности... Абсолютной безнравственностью является разве только нарушение социальных инстинктов общества, нарушение, так сказать, законов природы. Нет такого нравственного закона, который независимо от пространства и времени регулировал бы наши поступки в пространстве и времени.

Если это верно относительно всего комплекса морали, то еще в большей степени – относительно специально половой морали. Ибо последняя принадлежит к наиболее изменчивым областям морали и в самом деле чаще всего и легче всего менялась. Так как вторым выводом, к которому исследователь приходит во время своей работы, является то наблюдение, что эта постоянная изменяемость общих нравственных воззрений подчинена определенным законам, то каждое столетие, естественно, требует иных моральных масштабов. Было бы поэтому наивно и нелепо прилагать к прошлому современные критерии. Только невежды и глупцы могут застывшее и затвердевшее оценивать тем же масштабом, как и текущее, изменчивое, хотя, правда, число таких людей, не умеющих исторически мыслить, ныне в науке так же велико, как и прежде.

Надо еще заметить следующее: кто ссылается на «вечные общеобязательные нравственные нормы», покоящиеся вне времени и пространства, «врожденные природе человека», может только или прославлять, или порицать и никогда не познает вещи и людей в их историческом бытии. Отрицание вечной, неизменной нравственной идеи является, таким образом, необходимой предпосылкой правильного, т. е. научного, познания явлений прошлого, в данном случае – области нравов.

Непризнание общеобязательных нравственных масштабов, само собою, не то же самое, что отрицание моральных двигательных факторов в истории. Действие последних мы вполне признаем. Как это ни самоочевидно, приходится постоянно это подчеркивать, так как люди, объясняющие историю действием вечных нравственных законов, всегда приписывают противникам их точки зрения подобный взгляд, впрочем, с большей ловкостью, чем логикой. Не менее понятно и то, что наше отношение к вещам не приводит непременно к оправданию всех явлений прошлого, еще менее к их апологии, – взгляд, который так же часто и так же неосновательно приписывается исследователям, стоящим на нашей точке зрения. Непризнание неизменной нравственной идеи как вечного мирового закона, обязательного для всех людей, классов, народов и времен, – не только метод, но и необходимая предпосылка, позволяющая познать вещи, «добро и зло» в их исторической обусловленности. Вскрывая эту обусловленность, категорическую неизбежность истории, мы еще не делаем вывода, что, так как историческая необходимость приводила к таким и таким-то явлениям, эти последние оправданы перед судом истории. Чтобы привести тривиальное сравнение, мы еще не оправдываем убийцу, если даже и поймем внутреннюю необходимость его поступка. Совсем к другому результату приво-

дит, напротив, наша историческая точка зрения, притом к результату чрезвычайно важному: к истинно научному созерцанию прошлого и к выяснению более высокой исторической логики.

Целью познания прошлого и историографии, т. е. систематического вскрывания того, что было, что есть, и нахождения соединительных звеньев, связывающих то, что было, с тем, что есть, является отнюдь не удовлетворение любознательности, хотя бы даже самой «благородной», как полагают многие, а прежде всего познание законов, которым подчинены все явления. Ибо только точное объяснение истории позволит нам лучше создавать историю. А в этом именно суть дела, первая и последняя цель науки: оплодотворить действие, влить на настоящее и будущее. Так пробивается дорога к высочайшей проблеме человечества – к сознательному и планомерному историческому творчеству.

Это, как видно, не пустая абстракция, а формула для богатейшего содержания. Дать человечеству возможность сознательно творить свою историю – значит не что иное, как повести человечество верным путем и ускоренным темпом к тем высотам развития, куда указывают высочайшие идеалы.

Если историческое созерцание вещей приводит нас к убеждению, что нравственные нормы постоянно меняются, что вопрос «что такое нравственность?» требует самых разнообразных ответов, то перед исследователем истории нравов стоят две задачи. Во-первых, вскрыть и установить связь между нравственным поведением или господствующими нравственными воззрениями и общественным бытием людей и, во-вторых, обозначить те законы, которым подчинена в каждом отдельном случае нравственность, и те факторы, которые определяют и преобразовывают нравственные воззрения каждой эпохи.

Простое, следовательно, бессистемное накопление фактов еще не приводит к точной и пластической реконструкции прошлого. Даже больше. Пока отсутствуют вышеупомянутые основы, не может быть речи даже о ценном подборе фактов, ибо ценность отдельных фактов определяется единственно тем, насколько они типично отражают основной закон века. Это значит, другими словами, что все факты, находимые, анализируемые и распределяемые научным исследованием, должны быть внутренне связаны исторической обусловленностью, воплощаемой законом, которым они обусловлены. С другой стороны, только знание этого закона придает отдельным фактам и определенному ряду фактов их воссоздающую прошлое ценность.

Произвольно нанизанные факты, как бы они в отдельности ни были интересны и замечательны, никогда не воспроизводят точной и, еще менее, пластичной картины прошлого, подобно тому как куча камней, хотя бы драгоценных и художественно отделанных, не превращается в фантазии в горделивое сооружение, или ряд колес, ремней и рычагов – в машину. Во всех этих примерах отдельные части должны быть органически связаны между собой, должны быть подобраны и связаны по законам, предопределившим их особую форму и их особое место.

Нахождение внутренней связи и установление факторов, создававших и преобразовавших нравы людей, – вот исходная точка методически построенной истории нравов, претендующей быть больше чем простым собранием занимательных анекдотов.

Исследованию этих вопросов мы и посвятим первую главу, чтобы, с одной стороны, подвести под нашу работу твердый фундамент, а с другой – дать читателю необходимую, на наш взгляд, руководящую нить. Само собою понятно, что по плану нашей работы эта глава должна ограничиться самыми основными линиями, так как цель нашего исследования – не теоретический анализ, а главным образом пластическое описание фактов. Мы дадим поэтому только самый сжатый абрис. К тому же мы не считаем себя способными разрешить все сложные задачи, еще ожидающие в этой области теоретическую историю. Первая глава имеет в виду быть только путеводителем, картой для ориентировки, снабженной краткими пояснениями.

Необходимо здесь указать еще те средства, при помощи которых мы должны решить задачу пластической реконструкции нравов отдельных народов, классов и слоев в разные эпохи.

Исполнение подобной задачи должно базироваться на возможно широком использовании современных документов. Последними служат как литературные памятники всякого рода, так и пластические изображения лиц, вещей и событий. Только если мы дадим возможность эпохе высказаться самой, на ее собственном языке, на ее жаргоне, путем ею же созданных сравнений и т. д., и притом как можно чаще и как можно подробнее, пробудится она и воскреснет к жизни так, что нам, с одной стороны, будет казаться, что мы сами участники этой жизни, а с другой – благодаря нашему историческому методу – мы сможем, как с возвышенной трибуны, обозреть целое, в каждом отдельном случае уловить его связь с общим. Необходимо, следовательно, привлечь все документы обеих категорий, в которых отражаются нравственные воззрения каждой эпохи и различных классов, все, что дает о них наглядное представление. Такими литературными документами являются: всевозможные сообщения, указы, запрещения, описания обычаев, игр, праздников, а также художественные произведения: стихотворения, шванки¹, новеллы, пьесы как светского, так и церковного характера. Подобные документы мы будем привлекать как можно чаще, чтобы обосновать, углубить и подчеркнуть наше изложение. То же надо сказать и о современных пластических изображениях. Значение последних представляется нам не только равноправным, но во многих отношениях превосходящим значение литературных документов. В рисунке и картине мы видим даже самое важное, ибо самое надежное средство пластической реконструкции прошлого. Кроме того, современная картина вместе с тем – единственное и лучшее средство контроля литературных данных. Картина – это самый ясный и самый простой исторический документ. Достаточно привести один пример. Как трудно и сложно описать словесно даже простую моду так, чтобы читатель получил безусловно точное представление. При сличении нетрудно было бы установить, что каждый составляет себе свое особое представление. Когда речь идет о сложной моде, то описание еще затруднительнее и даже самое блестящее оказалось бы еще менее удовлетворительным. И то же надо сказать о целом ряде других явлений: о трактирном быте, о праздниках, о способах ухода за собой – словом, обо всем. Насколько более верное представление получается в том случае, когда рядом находится картина как поддающийся контролю факт, пластический и не обусловленный никаким предвзятым настроением!

И не только в этом состоит ценность пластического комментария. Картина обладает еще одним достоинством. Каждое пластическое изображение вызывает в зрителе бесконечный ряд ассоциаций, о которых автор часто сам не думал или которые он игнорировал ради более ясного и простого изображения предмета. Сотни картин воспроизводят не отдельную черту, не отдельное явление из эпохи их возникновения, а охватывают целый мир, целый комплекс характерных фактов, следовательно, часто сами являются целой историей нравов, из которой каждый умеющий видеть может почерпнуть все новые данные. Картина не только более простой, но и более богатый документ.

Отсюда неизбежно следует, что история нравов, поставившая своей целью показать, какова была внешняя видимость явлений, не только действительно нуждается в пластических документах как средстве верного и точного представления прошлого, а положительно не может обойтись без этого материала. Во всяком случае, самые важные точки зрения исследователь обязан подкрепить картинами. Вот почему наряду с литературными документами мы будем пользоваться и всевозможными современными пластическими изображениями: иллюстрациями, взятыми из книг, летучими листками, картинами мод, художественными произведениями, портретами, научными иллюстрациями и главным образом бытовыми картинами, карикатурами и т. д.

Главным образом, как сказано, бытовыми картинами. Последние будут и должны играть главную роль, хотя осторожные люди мы упоминаем об этом, так как это даст нам возможность

---

¹ Шванк – сатирический рассказ в немецкой средневековой литературе. – *Здесь и далее примеч. ред.*

выяснить свою точку зрения, в разные времена возражали, что пользоваться бытовыми картинами как документами времени, как доказательствами можно только с большими ограничениями, так как все жанристы преувеличивали, как они преувеличивают и теперь, и притом как положительные, так и отрицательные стороны жизни, все равно – работали ли художники кистью или карандашом. Картина эпохи, нарисованная бытописателем нравов, в особенности ненадежна будто бы потому, что менее всего регистрируются средней руки явления, а в большинстве случаев крайности. Подобные возражения, без сомнения, правильны и одинаково касаются как литературы, так и искусства. Однако мы позволим себе противопоставить им те слова, которыми мы когда-то обосновали значение карикатуры для историографии: истина скрывается не в золотой середине, а именно в крайностях. В них вся ценность современного документа.

Отсюда вытекает наша обязанность воспользоваться для нашей работы в значительной степени карикатурами, которые воплощают лучше всего и, так сказать, принципиально эту тенденцию. Читателя же мы хотели бы предупредить, чтобы он при оценке этих продуктов сатиры не сбивался с толку ходячими глубокомысленными рассуждениями: «с одной стороны это так, а с другой стороны это не так». В особенности к карикатуре склонны применять такую точку зрения, и люди восхищаются своим остроумием, заявляя: «нравственность доброго старого времени уж конечно не была столь испорченной, как это заблагорассудилось изобразить современным моралистам и сатирикам». Подобные картины, прибавляют обыкновенно эти люди, страдают значительным преувеличением и свидетельствуют скорее о склонности XIV, XV и XVI веков к грубым шуткам, чем о самой жизни.

Как красиво звучит подобная объективность, подобная, стремящаяся к справедливости оценка!

К сожалению, мы должны возразить: подобная ходячая точка зрения обнаруживает только полное непонимание этими людьми сущности карикатуры, непонимания того, что в ней выражается и что в ней стремится оформиться.

Сущность карикатуры, несомненно, преувеличение.

Несомненно – сошлемся на классический пример, – никогда деревенский праздник не выливался в форму такого вакхического безумия, такого необузданного эротизма, как это изображено так убедительно Рубенсом на его великолепной картине «Деревенский праздник», хранящейся в Лувре – одной из самых смелых карикатур, какие знает история.

И, однако, как раз такие картины отличаются особенной правдивостью. И притом не вопреки своей преувеличенности, а именно благодаря ей. Преувеличивая, художник обнаруживает самое ядро явления, отбрасывает все покровы, способные ввести в заблуждение. Благодаря количественному и качественному подчеркиванию главных частей предмета оживает основной закон, обнаруживается истинная сущность, и притом так наглядно, что ее уже нельзя игнорировать, нельзя пройти мимо нее. Самый близорукий взор видит, о чем идет речь, самый неповоротливый ум понимает внутреннюю тайну явления. Все это создается преувеличением. И потому истина не столько в золотой середине, а в крайностях.

Каждая эпоха хотела выявить самую сущность явлений, и она выявляла ее именно таким образом. Каждая эпоха воспользовалась последствиями теории еще прежде, чем она обосновала или уяснила себе эту теорию. То же самое применимо и к литературной сатире. Вот почему карикатуре словесной и пластической и должно быть отведено почетное место в истории нравов.

Если подвести итог всему сказанному о ценности современных исследуемой эпохе документов, то мы придем к следующему выводу: каждая эпоха сама пишет свою историю нравов.

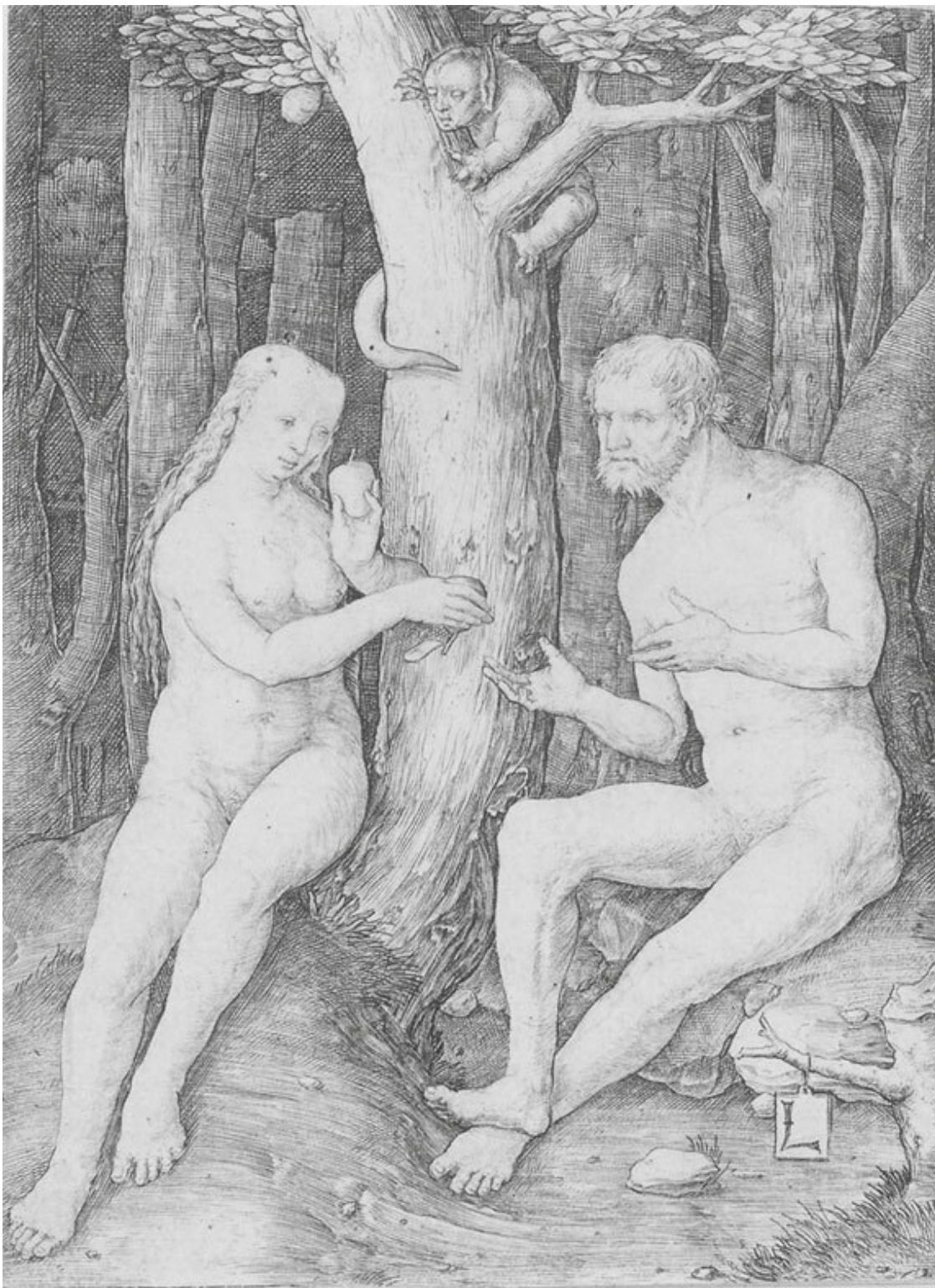
Она создает ее во всех тех тысячах форм, в которых обнаруживается ее творчество. Все равно, выступала ли она в религиозном облачении или в пестрой одежде необузданной жиз-

нерадостности, всегда за этими видимостями скрывается она, эпоха, ее специфическая человечность.

Наша задача – расшифровать и истолковать созданные каждой эпохой иероглифы, на языке которых она написала свою историю.

Эту задачу мы и попытаемся здесь решить.

1. Происхождение и сущность нравственности

*Происхождение и основа единобрачия
Изменчивость половой морали
Законы этих изменений
Вывод относительно будущего
План исследования*

Основанием всей нашей культуры со всеми ее излучениями и всеми ее завоеваниями служит институт частной собственности. Все выстраивается на частной собственности, все связано с ней – возвышеннейшее проявление человеческого духа, равно как и низменные, мелочные стороны будничной жизни. Интересы частной собственности обусловили и создали также основную форму половой морали, а именно моногамию, единобрачие.

Не только прежде, но еще и теперь единобрачие считается плодом индивидуальной половой любви. Это грубейшая ошибка, ибо единобрачие ни в принципе, ни в смысле цели, которой оно должно было служить и которой оно на самом деле и служит, никогда ничего общего с ней не имело. Сделать индивидуальную любовь своим базисом – таков в лучшем случае тот идеал, к которому единобрачие стремится в качестве известного учреждения. Но единобрачие не было созданием индивидуальной любви, да осуществило этот идеал лишь временно, в том или другом классе. Моногамия выросла из совсем других культурных факторов и потребностей. Как это исчерпывающим образом доказал Льюис Г. Морган в своей эволюции семьи, единобрачие было последствием концентрации значительных богатств в одних руках – и притом в руках мужчины – и желания передать эти богатства детям именно этого, и никакого другого мужчины. Женщина должна была стать матерью детей, относительно которых отец мог быть убежден, что именно он их произвел. Греки, у которых единобрачие впервые получило свое развитие, откровенно видели в этом его исключительную цель. Необходимо уже здесь подчеркнуть, что в единобрачии следует видеть не результат примирения мужчины и женщины, а еще менее – высшую форму брака, а, как потом будет выяснено, «провозглашение полового антагонизма, совершенно неизвестного доисторическому человечеству».

Таковы основания и цель единобрачия. Внутренняя логика этой формы полового общения сводится к следующему требованию: половые сношения должны ограничиться сношениями между одним мужчиной и одной женщиной, между одной женщиной и одним мужчиной, и притом исключительно в рамках соединяющего их брака. Таково было бы логическое требование, предъявляемое к человеку институтом единобрачия.

Несомненно, официально такой закон и выставлялся, но его суровая незыблемость всегда была обязательна только для женщины, для мужчины он во все времена имел в лучшем случае лишь официозное значение.

Странная и явная двойственность. Но это только мнимое противоречие. На самом деле, как нетрудно увидеть, это не непримиримое противоречие, а «естественный порядок вещей». Родившись не из индивидуальной половой любви, покоясь на условности, единобрачие представляет такую форму семьи, которая основана не на естественных, а на экономических условиях. Так как этими экономическими предпосылками являлись – и еще теперь являются – хозяйственные интересы мужчины, то они должны были иметь своим последствием принципиальное порабощение одного пола другим, а именно господство в браке мужчины и неразрывно с ним связанное угнетение женщины. Происхождение частной собственности требовало только единобрачия женщины как средства получить законных наследников. А открытой или скрытой полигамии мужчин ничто решительно не препятствовало. Так как в браке мужчина представляет собой господствующий класс, а женщина – угнетенный и эксплуатируемый, то мужчина всегда был единственным законодателем, издававшим законы в своих собственных интересах. Почти всегда строго требуя от женщины целомудрия, почти всегда объявляя неверность женщины величайшим преступлением, он в то же время всегда ставил своим собственным вожделениям лишь самые примитивные преграды. Все это не более и не менее как внутренняя необходимость явления и поэтому «естественный порядок вещей». Из этого противоречия, однако, выросло нечто, что не входило в планы людей, что также сделалось «естественным порядком вещей», – месть изнасилованной природы. Эта месть природы обнаружи-

ваются в двух неизбежных и неотделимых от нашей культуры учреждениях. Это – адюльтер и проституция, как два неизбежных социальных института.

Раб всегда мстит тем орудием, которым он был побежден и поработен. На всех языках, в тысяче разнообразных форм и формул закон устами государства, церкви и общества толковал женщине в продолжение всей ее жизни, что, кроме мужа, никто другой не должен разделять ее ложа и касаться ее тела. Во все времена и у всех народов женщина мстила тем, что и другие мужчины разделяли ее ложе и обладали ее телом и что единственным точным доказательством отцовства может служить одно только моральное убеждение мужчины. И это несмотря на социальную опалу в случае разоблачения обмана, несмотря на суровые и подчас варварские наказания, всегда угрожавшие мести женщины. Эту жажду мести ничем нельзя искоренить, потому что, пока брак основан на условностях, он по существу своему противостествен. То же самое применимо и к проституции, этому суррогату брака. Никакой закон не был в силах уничтожить ее, никакое варварское обращение не ставило ее жриц ни на один день вне общественного союза. В худшем случае проституции приходилось иногда прятаться, и она пряталась в самом деле, хотя все заинтересованные и находили дорогу к ее логовищу. Эта ее неискоренимость совершенно логична. Частная собственность, покоясь на экономическом развитии в сторону торговли, присвоила всему товарный характер, свела все вещи к их денежной стоимости. Любовь стала таким же предметом торговли, как платье. Вот почему большинство браков носит характер торговой сделки, а проституция – это любовь за задельную плату, как циники грубо, но довольно метко называли ее в отличие от брака, этой оплаты гуртом, – неотделима от единобрачия, которое постоянно снова вызывает ее к жизни, сколько бы его апологеты ни осуждали ее, так как она в конце концов все же представляет тот громоотвод, в котором моногамия нуждается, чтобы хотя некоторым образом обеспечить свою цель, заключающуюся в законных наследниках. Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к вопросу, как ни печально признаться в этом, прелюбодеяние и проституция – неизбежные социальные явления: постоянный любовник жены, муж-рогоносец и проститутка – неизменные социальные типы. Другими словами: «таков естественный порядок вещей».

При поверхностном взгляде нам могут возразить. Предположим, это так. Но из этого только следует, что, во-первых, так всегда было и, во-вторых, так всегда и останется, пока будет существовать мир. Это не более как прирожденная людям порочность и греховность. Эти слова – не произвольно нами придуманное возражение, а на самом деле господствующее стереотипное воззрение, с которым встречаешься на каждом шагу.

Подобные суммарные утверждения настолько же дешевы, насколько и неверны. Будет ли такое состояние вечным – в данном случае вопрос второстепенный. Во всяком случае, он лишь логическое последствие, вытекающее из ответа на вопрос, в самом ли деле так всегда было. Этим последним вопросом мы и займемся сначала, на него мы постараемся ответить, чтобы лишь потом обратиться к первому вопросу и обосновать его возможные последствия.

Разумеется, «так» было всегда. Но если присмотреться поближе к этому порядку вещей, то в его пределах нетрудно подметить самые разительные отличия, увидеть, что постоянное все же вечно менялось. Отличия эти касаются притом не только общепризнанных нравов. Обнаруживаются особенности, различия, повышения и понижения также и в общих отклонениях от основного закона обусловленной единобрачием половой морали в такой массе и с таким единообразием, что из них создается типическая в каждом отдельном случае картина эпохи, резко отличающаяся от всяких других.

Так как этот факт служит как раз исходной точкой систематической истории нравов, то мы начнем с того, что приведем ряд характерных примеров из различных главных областей половой морали для иллюстрации нашего положения. Примеры эти будут касаться, стало быть, различной оценки, дававшейся взаимной супружеской верности, добрачному целомуд-

рию женщины, проституции, главнейшим понятиям приличия и т. д. Само собой понятно, что это можно сделать здесь только в самых общих чертах. Ведь все наше исследование в отдельных его главах представит подробный комментарий к этим примерам.

Что касается различной оценки, дававшейся супружеской верности, то можно сказать следующее. В некоторые эпохи и в некоторых классах общества высшее основное требование единобрачия, верность обоим супругам, сравнительно победоносно торжествовало и серьезнейшим образом осуществлялось. Наряду с такими эпохами и классами мы имеем другие, в которых это основное требование половой морали совершенно игнорировалось большой массой и за замужней женщиной признавалось право открыто иметь многих мужей, как за мужчиной право иметь многих жен. Если иногда считалось, что муж и жена если и не публично, то по крайней мере перед своей совестью уже совершили прелюбодеяние, изменив друг другу лишь мысленно, если иногда жена уже громко обвинялась в неверности, если удостоила постороннего мужчину нескольких слов, то в другие времена женщине (даже той, которая носила на себе пояс девственности) разрешалось позволять ухаживающему самые смелые жесты, даже поощрять его к ним, не нарушая тем супружеской верности, ибо последняя ограничивалась самым половым актом. Бывали времена, когда муж был самым усердным сводником, ежедневно продававшим свою жену, а замужняя женщина – самой ловкой и деловитой проституткой, устраивавшей на своем супружеском ложе карьеру мужа, обезвреживавшей его конкурентов, выигрывавшей его процессы, удесятерившей его состояние и т. д. Рядом с эпохами и классами, считавшими брак по любви высшим идеалом, стоят такие, которые не считали любовь необходимой предпосылкой брака, которые были склонны видеть в любви даже нечто несовместимое с браком, которые смотрели на выбор жены откровенно с точки зрения простого расчета или простого производства детей. Древние греки, например, всегда видели в браке такую, и только такую условность. Вот почему женщина у них должна была стать предварительно гетерой, чтобы иметь право быть подругой. Одни эпохи и классы превращают женщину в домашнее выючное животное, делают из нее пожизненную домашнюю рабыню или терпеливую машину для детопроизводства, лишённую личной воли. Другие времена и классы видят в ней избалованный предмет роскоши, любой каприз которой становится законом, или утонченное орудие наслаждения, задача которого состоит в том, чтобы доставлять мужу все те удовольствия, которыми ее предшественницы, всевозможные любовницы, радовали и приковывали его к себе. Наконец, есть и такие эпохи и классы, в которых муж и жена становятся двумя верными товарищами, рука об руку поднимающимися вверх по крутым тропинкам жизни навстречу ее более высоким целям.

Такое же приблизительно разнообразие находим мы и в принципиальной оценке женского целомудрия. Лицом к лицу с классами и эпохами, придававшими девственности огромное значение, стоят такие, которые не только не прославляли, а почти даже порицали невесту, если она в брачную ночь оказывалась еще нетронутой. Единственный вывод, который отсюда делался, гласил, что, очевидно, раньше никто не пожелал ею обладать, а это понижало ценность девушки, тогда как порой незаконные дети, напротив, повышали ее ценность. Если, с одной стороны, некоторые эпохи и классы считают для девушки позором, если ее хоть раз видели в сопровождении мужчины или если она появилась в публичном месте без родителей, то другие позволяли молодой девушке, достигшей половой зрелости, принимать в своей спальне в продолжение целых лет по ночам своего возлюбленного («пробные ночи», «Kommnächte»). И притом заметьте – не только одного. Без всякого вреда для своей репутации она имеет право отставить одного возлюбленного и отдать его место другому, третьему, четвертому, если ее ожидания и требования не нашли надлежащего удовлетворения. Ни ее доброе имя, ни ее супружеское счастье не терпят никакого ущерба от того, что она в продолжение месяцев давала каждому из своих любовников возможность доказать, обладает ли он теми качествами, которых она требует от будущего мужа. То же самое воззрение разрешало достигшему половой

зрелости парню удостовериться именно этим путем в физических достоинствах выбравшей его девушки, предоставляло ему право решить в зависимости от этого опыта, намерен ли он вступить с ней в брак или нет. Он также имел право провести несколько пробных ночей у целого ряда девушек, и то обстоятельство, что эти пробные ночи не исключали половых отношений, не связывало его вовсе с данной девушкой. Некоторые романтики усмотрели в этих обычаях нечто безусловно идеальное. Это несомненно так, если только видеть в них базис здоровой индивидуальной половой любви, а не то, что в них хотели найти эти романтики, а именно чисто духовное и душевное общение полов. Для парня и девушки половой акт был единственной целью, несмотря на препятствия, которые разнообразные подробности этого обычая создавали для парня. Противоположный взгляд нелогичен, если принять во внимание первобытную жизненную философию крестьянства.

Не менее принципиально различно и официальное положение в общественной жизни проституции. Жрица продажной любви иногда запиралась в самые темные углы, клеймилась всеобщей ненавистью и презрением, на нее смотрели, как на прокаженную, одно дыхание которой будто бы способно заразить все окружающее и обратить в бегство всех «порядочных» людей. И только тайком, обходными путями могли к ней пробираться те, кто жаждал любви. Но бывали и такие эпохи, когда ее провозглашали лучшим украшением праздников жизни. У греков культ женщины сосредоточивался в гетере. Она – подруга мужчины, с которой он ведет философские беседы, которую он окружает роскошью и блеском, дружба и благосклонность которой доставляет ему честь, красоте которой весь народ оказывает божеские почести, тогда как жена ощущалась как неизбежное и неудобное ярмо и была обязана терпеливо проживать свой век в уединенном гинекее², никому не показываясь на глаза, скромно довольствуясь остатками чувств мужа. Нечто похожее повторяется в эпоху Ренессанса. Правда, проститутка уже не провозглашается богиней, но и тогда куртизанка часто является в качестве подруги и украшения публичных праздников и увеселений. Когда город навещал какой-нибудь высокий гость, то красивейшие куртизанки даже раздевались и встречали князя в обнаженном виде у городской черты как лучшее наслаждение для его глаз. Эпоха абсолютизма возводит куртизанку на престол, и ее любовные ухищрения и кокетство превращают любой ее каприз в высший закон для общества и государства. Народ обязан оказывать фаворитке абсолютного государя высшие почести и гнуть перед ней шею, хотя бы она только что поднялась из грязи болот и низин...

Ограничимся пока этими немногими, грубо обрисованными примерами типических различий в отношении различных эпох к основным вопросам половой морали, хотя их легко можно было бы удесятить. К ним необходимо присоединить еще гораздо большее количество примеров, касающихся второстепенных пунктов половой морали. Здесь различия бросаются в глаза еще резче. Достаточно вспомнить о видоизменениях языка, моды, чувства стыдливости, воспитания, искусства, нравственности в праве и т. д. Мы ограничимся и в этой области самыми характерными доказательствами этой изменчивости и вечной изменяемости, фактами, которые каждый легко сам может проконтролировать, так как весь наш труд представит целостный постоянный комментарий к этим положениям.

О различных взглядах на главные темы разговора между мужчинами, с одной стороны, и мужчинами и женщинами, с другой, достаточно будет сказать следующее.

Бывали эпохи, когда господствующая мораль разрешала мужчинам, чаще всего публично, вести беседу на тему о грубых любовных приключениях, о недвусмысленных и откровенных похождениях или пережитых, или слышанных от других, о необычайных победах и поражениях в состязаниях Венеры. Достаточно указать на приблизительно триста фацевий³ Поджо (1380-1459), почти исключительно трактующих о таких темах, представлявших глав-

² Гинекей – женская половина в древнегреческом доме.

³ Фацевия – короткий рассказ наподобие анекдота; жанр, особенно популярный в эпоху Возрождения.

ный материал беседе епископов и кардиналов при дворе папы Мартина V, специально для этой цели собиравшихся каждый день в определенном месте папского дворца. Даже сами папы, бывшие в первую голову героями этих эротических шуток, часто участвовали в подобных беседах. Далее, бывали эпохи, когда господствующая мораль открывала и женщинам доступ к таким беседам, во время которых самые естественные вещи назывались своими именами. Немецкие масленичные пьесы XIV и XV веков, производящие на нас впечатление чрезмерной непристойности, нравились не только мужчинам, но и женщинам. Женщины не только допускались как слушательницы к таким беседам, они сами спокойно могли в них участвовать и выбирать темой для своих шуток и рассказов самые интимные вещи. Они имели право вмешиваться в обсуждение техники искусства соблазнять, делиться своим опытом в деле любви и т. д. Достаточно вспомнить новеллы Боккаччо, сто новелл жизнерадостной королевы Наваррской и другие аналогичные документы. Далее, бывали эпохи, когда женщина придворных кругов могла присутствовать при спектаклях, единственной темой которых были эротические оргии. Примерами могут служить публичные представления любовных сцен обнаженными красавицами-куртизанками и обнаженными геркулесовского сложения мужчинами... Как пример аналогичных простонародных увеселений можно привести шутовские и ослиные праздники, в которых фаллический маскарад и фаллические остроты играли главную роль.

В иные времена мужчины и женщины имели право во время ухаживания пользоваться самыми откровенными словами и сравнениями. В другие эпохи (например, в конце XVII века, а в Германии – в эпоху, представленную в литературе силезской школой) беседа светского общества состояла из непрерывной цепи более или менее замаскированной порнографии. Каждое слово, каждая фраза имели свой скрытый порнографический смысл, и, чем богаче контрастами был смысл того или другого слова, тем восторженнее ему аплодировали и тем восторженнее его переносили из салона в салон, особенно если удавалось самым невинным образом выразить самое циничское представление. В этой области светское общество XVII века и Второй империи достигло изумительной виртуозности. Высшим идеалом этих эпох была женщина, употреблявшая в разговоре с особенным предпочтением всякие двусмысленности, и в глазах общества ее светское значение росло в прямой зависимости от ее фривольности, от ее способности пикантно произнести самое грубо циничское выражение.

А рядом с такими эпохами и классами стоят другие, подвергавшие опале каждого мужчину, который осмелился бы произнести в обществе непристойное выражение, и предписывавшие женщине краснеть даже в том случае, если речь шла о самых простых вещах. Самым ярким выражением этого настроения является та форма педантической стыдливости, которая запрещает женщине называть те или другие части костюма или тела. Такие эпохи возбраняют мужчине и женщине употреблять в обществе ряд самых невинных слов и фраз, потому что утонченная безнравственность вложила в них известную эротическую двусмысленность и все привыкли ее на самом деле в них находить.

Массу характернейших различий обнаруживают законы приличия. Некоторые эпохи категорически запрещают женщине показываться постороннему человеку в неглиже, как бы скромно оно ни было, а еще более – принимать визиты лежа в постели или совершая свой туалет. А в другие эпохи женщина превращает самое интимное неглиже в туалет, предназначенный для приемов, принимает визитеров у постели – *guelle*, как назывался проход около ее кровати, служивший в XVII веке настоящим корсо⁴ для ее друзей и поклонников, – и находит совершенно естественным, что друг или посетитель становятся свидетелями ее туалета, откровенно и активно удовлетворяя при этом чувство эротической любознательности. Бывали и такие эпохи, которые разрешали мужчине и женщине вместе посещать баню.

⁴ Здесь: место для массовых прогулок.

Каждая эпоха в отдельности к тому же полна противоречий. Что одному классу кажется вполне естественным, у другого находится под строжайшим запретом, и наоборот. Еще характернее для внутренних противоречий, свойственных той или другой эпохе (впрочем, это только кажущееся противоречие), то обстоятельство, что женщине, которой запрещается принять постороннего мужчину хотя бы в самом скромном неглиже, разрешается, даже вменяется в обязанность надеть такой бальный костюм, который позволяет мужчине во время разговора и особенно во время танца удостовериться в реальности выставленных ею напоказ физических достоинств, или что эта женщина имеет полное право предстать перед мужчиной в купальном костюме, так сказать, подчеркивающим ее обнаженность. Так же противоречиво поступает эпоха, провозглашая, с одной стороны, все половое святыней, имеющей право обнаруживаться лишь в безмолвии брачного алькова, а с другой стороны, – побуждая женщину костюмом, походкой и жестами вести самую непристойную беседу со всем миром и, так сказать, провоцировать каждого встречного мужчину, чтобы он ее мысленно раздел. Если бывают часто эпохи, когда для женщины ничего не может быть неприятнее, как публично показаться в состоянии беременности, когда подобное состояние прямо позорит каждую незамужнюю женщину, на которую все смотрят с презрением, то, с другой стороны, бывают и эпохи, подчеркивающие последствия полового общения, демонстративно навязывающие каждой женщине интересное положение, фабрикуя и выпуская на рынок *ventre á deux, á trois ou á quatre mois*⁵.

Порою женщине даже разрешалось являться в обнаженном виде, чтобы производить впечатление эротического чуда. В XIV веке, в эпоху Ренессанса, и в конце XVIII века, в эпоху Директории и Консульства, ей позволялось позировать совершенно обнаженной для портрета. Известны портреты Дианы Пуатье, герцогини Урбинской, сестры Наполеона, г-жи Рекамье и многих других дам. Ей разрешалось даже фигурировать на картине в момент любви. Эпоха Регентства позволяла художнику откидывать портьеры и занавески будуара и приглашать весь мир в свидетели самых интимных сцен. Другие эпохи разрешали женщине-красавице в костюме мадонны доставлять публике эротическое зрелище. Достаточно вспомнить портрет Агнесы Сорель в виде мадонны и другие аналогичные картины. И не только посредством искусства, переводящего действительность на свой язык, придающего ей героические очертания, разрешалось женщине доставлять публике эротическое зрелище, а также путем самой обыкновенной техники. В наше время, например, каждая актриса имеет право сняться в роли Юдифи, Саломеи или Монны Ванны, выставить свой портрет в тысяче экземпляров во всех художественных магазинах и пустить его в оборот в розничную продажу. Если на подмостках она еще обязана воспользоваться прозрачным трико, то перед фотографом она может скинуть даже и его.

История моды обнаруживает во всех направлениях те же самые принципиальные противоположности, как история языка и светского тона, и она, быть может, знает наибольшее их количество. Времена, когда нравственный долг обязывал каждую женщину закутаться с ног до головы, так что на первый взгляд трудно было отличить ее от мужчины, чередуются с эпохами, когда женщина всеми силами стремится обнаружить свои физические достоинства. Одна эпоха устами моды говорит: «у женщины вообще нет ног», другие, напротив, положительно развивали и культивировали ретруссе⁶, при помощи которого женщины самым соблазнительным образом обращают внимание на свои ноги. Такие эпохи прямо создавали моду, которая принуждала к частым ретруссе. Так же точно создавались моды, детальнейшим образом воспроизводившие формы бедер, груди, чары Венеры Каллипиги⁷. С этой целью изгонялись корсеты и жюпоны (нижние юбки), чтобы показать природу во всей ее неприкосновенности. На

⁵ Одежда, имитирующая беременность на 2-м, 3-м, 4-м месяцах.

⁶ От французского «*rétrousser*» – подбирать платье.

⁷ Венера Каллипига (*греч.* «прекраснозадая») – античная мраморная статуя из Золотого дома Нерона.

закате Средневековья и даже еще в самый разгар Ренессанса мужчина демонстративно подчеркивает свою мужественность путем так называемой *Hosenlatzmode* (моды на гультфик), так что взор должен прежде всего пасть на эту часть костюма. В то же самое время женщина делает такой вырез в своем платье, что вся грудь выставляется напоказ, как товар, на который хотят обратить всеобщее внимание. Или женщина действует еще утонченнее, обнажая только самую грудь, ограничиваясь лишь двумя вырезами на соответствующих местах верхнего платья, из которых справа и слева выступают демонстративно обе груди, и только они одни, такими же обнаженными и такими же ясно очерченными, как лицо и руки. Мода эпохи Директории, наконец, оголяла одинаково как мужчину, так и женщину. Мужчины носили такие плотно облегавшие ноги брюки, которые ясно обрисовывали каждый мускул и каждую часть тела. Женщины сводили весь свой костюм к рубашке, которая делалась к тому же часто из прозрачной газовой материи. То же встречаем мы и в другие эпохи, например в веке рыцарской любви, притом ради той же цели и с теми же последствиями.

Необходимо здесь еще прибавить, что в истории каждой страны часто бывали и бывают эпохи, когда и тайком и открыто все требования и законы частной и общественной морали игнорировались не только отдельными индивидуумами, но и целыми классами и примыкавшими к ним слоями населения, эпохи, когда по всей линии победоносно торжествовала тенденция, усматривавшая в сознательном и преднамеренном игнорировании официально признанных нравственных законов, в пренебрежении чувством стыдливости, даже в диком нарушении законов природы цель всех желаний и высшее наслаждение. Двор Карла II в Англии, эпоха Регентства во Франции до крушения старого режима⁸ – наиболее известные примеры таких периодов откровенного и систематизированного разврата.

Читатель согласится, что даже указанные здесь различия рисуют перед взорами ряд противоположных картин нравов, и, однако, следует еще раз напомнить, что этот перечень представляет лишь незначительное собрание фактов, что ими можно было бы наполнить еще целые страницы и что каждая отдельная картина нравов дана здесь лишь в самых грубых чертах, так что при более специальном исследовании нетрудно было бы вскрыть ряд новых характерных особенностей, которые сами бросились бы в глаза.

Здесь важно и существенно только указать, что каждая из этих принципиальных вариаций, каждое из этих частных уклонений от основного закона, обусловленных единобрачием половой морали, не только не ощущались в свое время – то в более ограниченных, то в более широких слоях населения – как нечто безнравственное, а, напротив, признавались как нечто нравственное. Эти уклонения не только терпелись, но, напротив, считались моральными для данного случая и получали поэтому как в неписаных, так и в писаных нравственных законах соответствующее выражение, свою юридическую, философскую и общественную санкцию. Отсюда следует как единственный логический вывод, что то, что в иные времена считалось нравственным и вменялось каждому в обязанность в силу законов общественной морали, потом часто квалифицируется как безнравственное. Чтобы осветить это положение каким-нибудь историческим примером, укажем на противоположные взгляды двух стран в две разные эпохи. Во второй половине XVII века в Германии считалось нравственным видеть в браке не более как средство деторождения. Ближе всего к нравственному идеалу был такой брак, где жена всегда была беременна или всегда кормила младенца, где она носила под сердцем нового ребенка, когда предыдущий еще даже не научился лепетать. Напротив, во Франции XVIII века (впрочем, не только здесь, а во Франции – не только в эту эпоху) подобный взгляд на брак считался безнравственным, и женщина известных слоев имела санкционированное обществом право требовать от мужа, чтобы по крайней мере в первые годы брак был бездетным. Брак, от

---

⁸ Старый режим (*фр.* l'ancien régime) – королевский режим, государственное устройство Франции до Великой французской революции 1789 года.

которого произошло «целое стадо детей», считался прямо неприличным. В первый из указанных периодов господствующая мораль признавала безнравственным то, что во второй период провозглашалось нравственным. Чтобы привести для примера крайность, надо, конечно, признать, что никогда писанный закон не предоставлял и уж конечно не обеспечивал за женщиной право на многомужество, на прелюбодеяние. Но никогда не существовало и закона, разрешавшего мужчине соблазнять чужих жен, и, однако, во все времена это «право» применялось усерднейшим образом. Надо иметь в виду, что законы публичной нравственности реже всего отливались в виде юридически оформленных параграфов и реже всего объединялись в виде законодательного кодекса. Эти законы выражались и выражаются во все времена в неписанных, но тем не менее весьма ясных и категорических воззрениях и требованиях общественной морали данной эпохи, той морали, которая не только главным образом, но вообще давала и дает поступкам фактическую санкцию нравственного и безнравственного.

Эта общественная мораль и постановляет, имеет ли мужчина право открыто предаться делу соблазна, или же он обязан прибегать к уловкам, должна ли женщина разыгрывать целомудренную или галантную, чтобы пользоваться уважением общества. Она постановляет, что в известные эпохи каждая хорошенькая женщина, сохраняющая мужу непоколебимую верность, навлекает на себя подозрение в каких-то скрытых недостатках или что малейшее уклонение мужчины или женщины от суровой позиции пуританства наказуется неумолимой карой. Эта общественная мораль постановляет, что порядочная женщина с невиннейшим выражением лица обязана заниматься одной только математической проблемой – найти в своем костюме ту линию, которая позволит ей обнажиться, оставаясь при этом «приличной», или что женщина сочтет за личное оскорбление, если в ее присутствии произносится слово «брюки». Она постановляет, что единственной темой разговора между представителями обоих полов является святость тайны, о которой позволено распространяться самым циничным образом, что каждый мужчина имеет право сказать каждой женщине: «Ты возбуждаешь во мне желания, я хочу взять тебя», а каждая женщина имеет право сказать мужчине: «Я хочу подействовать на твою чувственность, смотри, какая я соблазнительная, какой лакомый кусочек представляю я для твоего воображения» – и т. д. без конца, ибо конца здесь не существует. Важно и существенно здесь, как было уже указано, то, что все это, все эти уклонения, – сегодня одно, а завтра другое – считались и считаются нравственными. Для научного отношения к явлениям необходимо ответить на следующий важный вопрос: почему это так? Потому что все эти различия – не случайности, существующие без всякой внутренней связи и которые можно было бы произвольно вычеркнуть из картины эпохи, нет, они неотделимые составные части и неизбежные последствия внутренней сущности социального бытия. Вот почему в этой сутолоке самых разнородных и друг другу взаимно противоречащих явлений царит строжайший порядок. Перед нами не бессмысленный хаос, не поддающийся учету, нет, всегда и повсюду, в каждой победоносно торжествующей тенденции обнаруживается строгая закономерность. Мы подошли таким образом к тому вопросу, который служит важнейшей предпосылкой, единственно допустимым базисом научно построенной истории нравов: к вопросу «почему?», к вопросу, как возникает определенная общественная мораль, откуда она черпает свою категорическую мощь, какие факторы обуславливают вечные перемены и создают новые формы, словом, к вопросу о законе неизбежных и вечных видоизменений постоянных, так сказать, элементов половой морали.

Если мы хотим выяснить, прежде всего, стало быть, открыть этот закон, то мы должны начать с того, чтобы проконтролировать связь между теорией и практикой нравственных норм каждой эпохи и современным им общественным бытием человечества.

Такое исследование покажет каждому, умеющему исторически смотреть на вещи, что, как уже было выше указано, не может быть ничего более бессмысленного и нелепого, как

живущее еще в голове многих этиков представление о так называемой случайности и произвольности господствующих нравственных воззрений. Мы говорим о том наивном взгляде, который кульминирует в утверждении, что, ввиду невозможности установить какие-нибудь абсолютно достоверные нормы, в нравственных воззрениях господствуют чистая случайность и произвол, и потому только чернь одна обязана с ними считаться. Напротив, *l'homme supérieur* (великосветский ухажер) может свободно игнорировать эти остроты мировой истории. Такая логика ничем не выше и не серьезнее той, которая болтает чепуху о вечной нравственной идее, одинаково осеняющей и покрытого шкурой дикаря, и одетого в черный сюртук христианина. Нелепость такого воззрения обнаруживается уже при первом взгляде, ибо даже самый поверхностный анализ, вооруженный самыми примитивными научными методами, доказывает неопровержимо, что в истории нет бессвязных фактов. Правда, случайные отклонения могут происходить, в смысле патологических явлений, но случайными не могут быть массовые явления, а именно о них идет речь, когда мы говорим о нравственном поведении людей.

Ужели нет связи между развратом, чисто порнографической модой, порнографически насыщенной речью XVIII века и общественным бытием известных классов? А в XVII веке между неумолимой нравственной строгостью английских пуритан, их мрачным однообразным костюмом и заимствованными из Библии оборотами речи и политическими и социальными условиями их существования и т. д.? Это значило бы, что все могло бы быть как раз наоборот, в XVIII веке люди могли бы не придавать особенного значения эротическому воздействию женской груди, а в XVII веке в среде английских пуритан мог бы торжествовать победу утонченный культ физиологического наслаждения, культ эротической наготы. Ясно, что такая логика есть логика сумасшедшего дома. Вот почему она и ходит привидением в голове лишь тех этиков, логика которых, не отягченная разумом, носится над временами, как никогда над ними не носилась «вечная нравственная идея». В истории, как уже сказано, царит Строжайшая гармония, неумолимейшая логика. Сотни уз и мостиков связывают следствие и причину, причину и неизбежное, неустранимое последствие.

Для каждого исторически мыслящего человека эта связь на самом деле так очевидна, что нет надобности подробнее ее обосновывать. Ее можно принять как нечто несомненное. Тому, кто еще обуреваем сомнениями, мы напомним, что эта связь будет вскрыта в дальнейшем как можно убедительнее путем аргументации в другом направлении. Несколько более опытный глаз и более детальная подготовка требуются для того, чтобы понять, что как в господствующих нравственных воззрениях, так и в соответствующем им нравственном поведении выражается вся сумма современного социального бытия людей. Более основательное исследование требуется и для того, чтобы уяснить себе, что мы называем руководящим законом, решающим в последнем счете базисом, на котором все зиждется.

Мы предвосхитим ответ на эти вопросы и уже потом перейдем к их обоснованию.

В нравственном поведении и в соответствующих ему нравственных догмах отражается, как и в правовых воззрениях, в религии, в художественном творчестве и т. д., экономический базис эпохи. Или, выражаясь точнее, все без исключения идеологии являются логическим отражением высоты развития, достигнутого производственным механизмом. Сюда относятся: степень общественного разделения труда, степень классового деления, распределение собственности, следовательно, отношения собственности – словом, все, что подразумевается под понятием «экономической основы эпохи». Частная собственность, материальные интересы обусловили собой основной базис нашей половой морали. Она же таким же категорическим образом определяет второстепенные пункты последней. Так как частная собственность является основанием общей морали, то в пределах последней половая мораль должна постоянно меняться, приспосабливаясь и изменениям и к развитию частной собственности, которой подчинена вся область морали.

Конечно, половой инстинкт сам по себе не экономический фактор, но способ его проявления тем не менее обуславливается экономическим базисом общества. Этот последний определяет (речь идет здесь, конечно, о массовых явлениях), будет ли половой инстинкт толкать мужчину и женщину к ранним или поздним бракам, будет ли он требовать, как суррогат брака, постоянную любовницу или бродячую проститутку, благородную жуирующую даму или опустившуюся уличную девицу. Тот же экономический базис предрешает, будет ли женщина в браке хозяйкой, матерью или дамой, будет ли она выбрана как производительница детей или за ее представительные качества, будет ли она воспитываться как предмет роскоши или как неизбежная домашняя мебель. Экономический базис определяет, что важнее – супружеская ли верность или пикантные удовольствия половой жизни, в какой степени будет вестись борьба за мужчину или женщину, сотни или десятки тысяч женщин будут тщетно искать пути к брачному ложу и «упадут в объятия порока», как мило выражаются авторы душеполезных трактатов, и т. д. Таковы главные категории, а от них зависят все второстепенные пункты половой морали, как-то: мода, светский тон и т. д., ибо последние всегда не более как проявления, излучения первой или, другими словами, принявшие духовную или материальную форму сопутствующие ей явления.

Материальные интересы являются базисом, определяющим началом – вот что главное. Необходимо прежде всего доказать правильность этого положения. Прекрасно сознавая важность этого пункта, являющегося краеугольным камнем всей нашей работы, мы, однако, должны ограничиться немногими характерными примерами. Но если нам удастся доказать это по отношению к некоторым важнейшим пунктам, мы докажем наше положение вообще. Мы приведем сначала несколько примеров, в которых связь между половой моралью и экономическим основанием общества сама бросается в глаза. В середине XVII века в некоторых местностях Германии чаще, чем когда-либо, встречаются случаи «бигамии», а именно в той форме, что один мужчина имеет двух законных жен, живущих с ним под одной кровлей. Это настоящая полигамия. Самое важное в этих полигамических связях то, что они существуют не тайком, не прячутся от глаз общественного мнения, как частное соглашение и частная тайна заинтересованных, а существуют открыто, устраиваются открыто и не только терпят властями, а прямо даже предписываются. Иметь двух жен считалось тогда в этих местностях не только не преступлением, не безнравственностью, а чем-то заслуживающим похвалу и потому нравственным. Можно подумать, что такое положение является чем-то невероятным. Многие сочтут его даже чудовищным. Оно не было ни тем, ни другим, а совершенно естественным порядком, так как выражало вполне понятное последствие исторической ситуации, в которой тогда находилась Германия.

Только что кончилась Тридцатилетняя война. Эта тяжелая и скорбная эпоха привела не только к полному опустошению и такому же полному обеднению значительных частей Германии, но и к сильному сокращению населения. Миллионы людей погибли в битвах или были уничтожены всюду появлявшимися мародерами, еще больше народа пало от болезней и эпидемий, сопутствовавших нескончаемой бойне. Тысячи местностей совершенно вымерли к концу войны. До этой злополучной войны Германия насчитывала 16 или 17 миллионов населения, а в 1648 году число жителей не превышало 4 миллионов. А среди них мужчины составляли меньшинство. На 2½ миллиона женщин приходилось 1½ миллиона мужчин. Таков был печальный итог войны. А всегда, во все времена главнейшим капиталом является человек: его рабочая сила, его рабочие руки. Так как в те времена чувствовался особенный недостаток в этом капитале, так как без живого капитала всякий другой «человек» остается мертвым, то в первую голову надо было создать именно этот капитал. Производство детей как можно в большем количестве становилось преобладающей экономической потребностью времени и даже высшим нравственным долгом каждого способного производить детей мужчины. Так как эта потребность приходила в конфликт с недавними господствовавшими представлениями, то власти

предписывают просто этот долг всем и каждому. Пусть мужчина действует в этом направлении как можно усерднее.

Вы требуете доказательств. Вот они. Они содержатся в сжатом современном указе. Девятнадцатого февраля 1650 года нюрнбергский крейстаг (районный совет) принял следующее решение: «Ввиду того что в кровавой 30-летней войне население погибло от меча, болезней и голода и интересы Священной Римской империи требуют его восстановления... то отныне в продолжение следующих десяти лет каждому мужчине разрешается иметь двух жен».

Нельзя было выразить цель этого решения деловитее, нельзя было обнаружить яснее экономическое основание этой поправки к господствующей морали.

Узкий идеолог, привыкший выводить все проявления половых отношений, все моральные критерии из более или менее повышенного нравственного чувства людей, возразит, что «это совершенно исключительное явление, объясняющееся крайним моральным упадком, бывшим также печальным наследием 30-летней войны». Такими или аналогичными рассуждениями обыкновенно и устранился из исторической науки этот неудобный факт. Мы ответим: нет, это не исключительное явление, а в крайнем случае очень своеобразное дополнение к аналогичному, но уже безусловно типическому историческому явлению. Стоит только исследовать крестьянскую мораль, перелистать в особенности многочисленные *Weistümer* (уставы), эти формулировки древнего крестьянского права. В них мы найдем то же самое. При некотором терпении нетрудно будет среди них найти целый ряд документов, гласящих об этом почти дословно, как следующий, взятый из бохумского местного права: «Item⁹, муж, имеющий здоровую жену и неспособный удовлетворить ее женские права, пусть приведет ее к соседу, а если и тот не в состоянии ей помочь, то пусть муж ее бережно возьмет на руки, не делая ей больно, пусть опустит ее вниз, не делая ей больно, пусть оставит ее там на пять часов и позовет других людей себе на помощь. А если и тогда ей нельзя помочь, то пусть он ее бережно поднимет и снова опустит, не делая ей больно, пусть даст ей новое платье и кошелек с деньгами на пропитание и пошлет ее на ярмарку, а если и тогда ей нельзя помочь, то пусть ей помогут тысяча чертей».

Что это значит в переводе на наш современный язык? Это значит следующее. Если муж не в состоянии произвести со здоровой женой ребенка, то пусть отдаст ее соседу-«бракопомощнику», такому, который, по его мнению, может создать ребенка. Если и эта связь останется бесплодной, то пусть он сделает этот эксперимент со вторым и даже с третьим. А если и это бесполезно, то пусть ей помогут тысячи чертей, т. е. тогда помочь могут только сверхъестественные силы. Муж сделал все, что требовал от него его долг. Его долг! Ибо иметь детей, быть возможно более плодотворной производительницей потомства – такова первая и главнейшая обязанность крестьянки. Такое воззрение, такая половая мораль всецело обусловлены крестьянским хозяйством, материальными интересами крестьянина. Ни для какого другого класса дети не являются таким важным капиталом, как для крестьянина, так как они представляют самые дешевые и необходимые рабочие руки. Вместе с тем дети – единственные рабочие руки, на которые он в экономически неразвитые эпохи может рассчитывать, единственные, которыми он может обзавестись при малой доходности его производства, и потому законность их для него вопрос второстепенный. Главное, чтобы жена производила на свет детей. Если брак окажется бесплодным, то жена обязана по очереди отдаться всем тем, которые, по мнению мужа, могут помочь ему обзавестись детьми. Как видно, индивидуальная любовь здесь совершенно отсутствует, важна только половая способность мужчины, а жена рассматривается исключительно как детопроизводительная сила, которая в случае надобности может быть отдана в распоряжение то одного, то другого.

⁹ Так же (*лат.*).

Важность детей для крестьянского хозяйства даже и в наше время объясняет в конечном счете и более мягкое отношение крестьян к прелюбодеянию. Крестьянин еще и теперь охотнее всякого другого закрывает глаза, если его жена выбирает ему заместителя в лице крепкого батрака или соседа, чтобы дать мужу необходимых детей.

На том же экономическом базисе основывается уже ранее упомянутый обычай «пробных ночей», встречающийся в разных местностях под разными названиями. «Годен ли он (или она) к любви», т. е. можно ли рассчитывать на потомство, – такая проба санкционируется крестьянской моралью как законная.

Характерные аналогичные случаи можно встретить как массовое явление у всех неплодовых рас. Так как потомство и для них самый ценный капитал, то «бракопомощник» у этих рас, так сказать, типичная фигура, и ввиду важности вопроса его деятельность рассматривается обыкновенно как привилегия святых или пророков. Такой расой являются, например, эскимосы. У них также охотно обращаются за помощью к высшему духу через посредство пророков. В своем описании путешествия к Северному полюсу Фритьоф Нансен приводит ценные данные, доказывающие вместе с тем, что он прекрасно понял саму сущность этого явления. Нансен говорит: «Седьмая заповедь чаще других нарушается гренландцами... Целомудрие у них не в особенном почете... Многие (на западном берегу) не считают позором для девушки иметь детей. В бытность нашу в Готгаабе по соседству жили две девушки, отнюдь не скрывающие свою беременность. Они почти гордились этим доказательством того, что ими не пренебрегали. Относительно восточного берега Гольм также утверждает, что никто не считает позорным для незамужней иметь детей.

Эгедэ рассказывает, что женщины считают для себя большой честью и счастьем вступить в связь с *ангекок*'ом, как у них называются ученые и пророки, и прибавляет: „...многие мужья сами ничего против этого не имеют и платят *ангекок*'у за то, что он спит с их женами, особенно если они сами бездетны.

Эскимосские жены пользуются, как видно, гораздо большей свободой, чем жены германцев. Причина, вероятно, коренится в том, что, если у германцев сохранение наследства, рода и родословной всегда играло большую роль, все это для эскимоса имеет очень малое значение, так как он почти ничего не имеет, что мог бы передать в наследство, и для него важнее всего иметь детей...“»

Уже достаточно исчерпывающе выяснено и доказано, что проституция как массовое явление коренится в социальных условиях, находит свои побудительные мотивы в экономическом базисе общества. Мы можем поэтому освободить себя от необходимости приводить здесь характерные документы, которые вновь подтвердили бы это положение. Рассматривать проституцию как массовое явление, главным образом как патологическую проблему, как проблему прирожденной проститутки – такой метод объяснения может прельщать разве хвастливых полунеужд. Этот сорт сексуальных психологов доказывает только в большинстве случаев, что они не имеют никакого представления о проституции как социальном явлении и потому произвольно смешивают самые противоположные явления. Приведенные до сих пор примеры прямой связи между половой жизнью, нравственными нормами и материальными интересами могут служить типическими иллюстрациями. На примере санкционированной в XVII веке законом бигамии видно, что экономические потребности, раз они очень ярко сказываются, способны устранить даже наиболее важный постулат всей половой морали, основное требование морали – единобрачие.

Материальные интересы действуют как в важном, так и в мелочах. В этом нетрудно убедиться, если снять с явлений тот покров, в котором они появляются перед нами и становятся доступными нашему сознанию. Доказательством может служить следующий пример. В XVI веке цехи обуславливали прием новых учеников удостоверением «свободного и честного происхождения». Ученик должен был доказать, что он родился в законном браке. В десятке

описаний цехового быта или городского величия XVI века можно по этому поводу прочесть патетическое славословие на тему о том, что в подобных постановлениях сказывалось «гордое нравственное самосознание, отличавшее честное ремесленное сословие». Подобные указы квалифицируются как «последствие повышенного и потому живого нравственного чувства», восхваляются как «благородный плод внесенного в мир реформацией нравственного обновления». И тому подобное. Мы позволим себе возразить: все это ерунда. Мы постараемся сейчас доказать это. Если внимательнее присмотреться к церковному устройству этих веков, если искать в Läden (цеховые объединения) принципов, руководивших творцами при формулировке цеховых законов, то мы вскроем какие угодно причины, но только не «нравственное обновление» и не «нравственное сознание».

Что касается интересующего нас здесь указа, то ясно, что это нравственное требование базировалось не на морали, а исключительно на кошельке. Если цехи в XVI веке обуславливали прием учеников «свободным и честным происхождением», если в некоторых городах они прямо требовали соответствующих удостоверений, то это делалось не для того, чтобы нравственно поднять свое сословие, а для того, чтобы обезопасить исключительность цехов. Таким способом хотели избавиться от пролетарских элементов, которые в начале XVI века массами стекались в города, где прежде всего хотели научиться какому-нибудь ремеслу. Этим путем хотели далее устранить грозно разраставшуюся конкуренцию – только поэтому люди вдруг стали нравственными и косвенно провозгласили святость брака как основу «честности». И в самом деле, трудно было придумать более устойчивую плотину против грозившей конкуренции! Удостоверить свое законное происхождение было в те времена задачей очень сложной и тем более трудной, чем отдаленнее была местность, откуда вышел человек. Теми же материальными интересами руководились деловитые и умные цеховые мастера, когда «нравственное чувство» подсказало им объявить целый ряд ремесел «бесчестными». Всем тем, кто происходил от них, доступ к «честному ремеслу» был также запрещен, подобно тому как эти ремесла были лишены присвоенных «честным» профессиям хозяйственных привилегий. А все это – экономические причины. Если мастера употребляли вышеприведенные слова о нравственном долге цехов без задней мысли, то это ничего не меняет, а доказывает только, что борьба, которую они вели, и интересы, которые они отстаивали, сознавались ими не в их чистом виде, а в переносном смысле морали.

То же самое можно сказать о появляющихся повсеместно в XVI веке запрещениях публичных бань. До XVI века в посещении публичных бань не находят ничего или почти ничего предосудительного. Во всяком случае, нравственное чувство не было шокировано тем, что мужчины совершенно голые, а женщины более чем голые, так как они еще украшались для этого, купались и мылись совместно, развлекаясь шутками и играми, отнюдь не проникнутыми пуританским духом. И вдруг в первой четверти XVI века намечается переворот, приводящий к противоположному взгляду: посещение купален и бань запрещается, объявляется безнравственным, бани описываются как вертепы порока и, наконец, одна за другой закрываются. Там, где учреждение не закрывается, оно приносит все меньше дохода, и собственник поэтому часто сам вынужден отказаться от его ведения.

Если просмотреть предлагаемые историками-идеологами объяснения этого странного переворота во взглядах, то мы находим у них ту же ссылку, как и по поводу цеховой регламентации, на повышение нравственного самосознания, на обновляющее влияние реформации и тому подобные моральные моменты, имевшие решающее значение. Опять-таки это явная чушь. Просветление пришло в данном случае от сифилиса, начавшего на рубеже XV века свое победное шествие. Рядом с аналогичной причиной, о которой мы еще будем говорить, сифилис был тем морализующим фактором, который превратил в глазах современников ранее столь симпатичный обычай купальной жизни в адский вертеп порока. И это понятно. Так как среди общественных развлечений купального сезона отдавалось предпочтение грубым удовольствиям, то

проститутки составляли, естественно, всегда значительный контингент посетительниц. А так как далее около бани всегда находилось несколько маленьких каморок, куда могли уединиться воспламенившиеся любовью посетители и посетительницы, так как баня была вместе с тем еще самым бойким домом терпимости, то, естественно, она становилась самым опасным очагом заразы новой страшной французской болезни. Яснее и убедительнее диалектика событий не могла внушить людям, что посещение бани «в высшей степени безнравственно». Здесь тоже действовала экономическая причина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.